

Тарас Шевченко

Кобзарь Тараса Шевченко

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ш37

Ш37 **Шевченко Т.**
Кобзарь Тараса Шевченко / Тарас Шевченко – М.: Книга по Требованию,
2013. – 332 с.

ISBN 978-5-517-83262-7

ISBN 978-5-517-83262-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячѣкъ — замѣтите, горькій пьяница — и что я долженъ былъ исполнять съ рабскою покорностью, не имѣя ни единого существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моёмъ положеніи. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ такъ-называемой школѣ прошолъ и «Грамматку», «Часловець» и, наконецъ, «Псалтирь». Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячѣкъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, Псалтирь по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за-то десятую копейку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ. Іоною Лимаремъ, такъ-что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки-пьяными. Дьячѣкъ мой обходился жестоко не только однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ, въ отношеніи къ нему, лукавыми и мстительными. Мы надували его при

всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилию одного человѣка надъ другимъ. Моё дѣтское сердце было оскорблено этимъ нечадіемъ деспотическихъ семинарій милліонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—мestью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе — розги, и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всё его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *куритками*, то-есть гравированными картинками, вѣроятно самой плохой работы. Я не смѣлъ грѣхомъ, или не устоялъ противъ искушенія, похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лисянгу.

Тамъ я нашолъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору вѣдрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ крас-

ку мѣдянку. На четвёртый день терпѣнье мнѣ изменило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дячку-маляру, славившемуся въ околodкѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твёрдою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство, хоть въ самой малой степени, желалъ я страстно. Но, увы! Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ паотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой моё воображеніе придавало, однако жъ, какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, *пастыремъ стадъ непорочнымъ*, съ тѣмъ, чтобы, хотя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку съ кунштিকাи. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только-что наследовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчишк — и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ ти-

ковую куртку. въ такія же шаравары и, наконецъ, въ комнатные козачки.

Изобрѣтеніе комнатныхъ козачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украины, полякамъ. Помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ козачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда козацкомъ сдѣлать козака ручнымъ съ самага дѣтства — это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу челоуѣка быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былаго времени содержали козачковъ, кромѣ лакейства, ещё въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Козачки распѣвали, для панской потѣхи, весѣлыя двузначенныя пѣсенки, сочинѣнныя народною музою съ горя, подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорить поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщеннои гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе прагматическимъ взглядомъ и, покровительствуя моеи народности на свой манеръ, вмѣшилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока

не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же, возлѣ него, трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть-слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая, украдкою, картинны суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисоваль я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.

Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, и таскалъ за собою, въ обозѣ, меня, для сидѣнья въ передней, подаванія трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дивнымъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ русскаго народа посматривать когда-то по-мѣду на своё прошедшее. Странствуя съ своимъ баринномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоценную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей-

разбойникъ. Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ, не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ, какъ только возможно, вѣрныя копіи.

Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, въ 1829 году, декабря 6-го, пани и пани уѣхали на балъ въ такъ-называемые *ресурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ всё успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденныя сокровища и, выбравъ изъ нихъ козака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ козачковъ, гарцюющихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и падалъ пощечинъ не за моё искусство — нѣтъ! (за искусство онъ не обратилъ вниманія), а за-то, что я могъ бы съечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпоротъ меня хорошенько, что и было исполнено съ достоюжнымъ усердіемъ.

Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать

лѣтъ, и такъ-какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтраговалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цѣховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Санктпетербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-майлара и другого дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь гнѣтъ тройственнаго его генія, я въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній Садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкою, съ которымъ и до-сихъ-поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, козакъ Ивашъ Ничишоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничишоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снѣтія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублѣмъ серебра.

Въ 1837 году Сошенко представилъ меня кон-

ференць-секретарю Академіи Художествъ, В. П. Григоровичу, съ просьбой — освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотерей. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями — и этою цѣною куплена была моя свобода въ 1838 году, апрѣля 22-го.

Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободного художника.

О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя, безлуныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщицкѣй передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою,

она — спасибо ей — обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напечатана только одна баллада «Причина». Какъ и когда писалась послѣдовавшія за нею стихотворенія — объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ рассказѣ, въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими успіями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! оно тѣмъ-болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспомнить въ своёмъ рассказѣ, до-сихъ-поръ — крѣпостные. Да, милостивый госу, даръ, они крѣпостные до-сихъ-поръ!

Тарась Шевченко.

18-го февраля, 1860 года.

